

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 821. 82-16.398

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270

Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорный аспект

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1239-5639. E-mail: [khaninova\[at\]bk.ru](mailto:khaninova[at]bk.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ханинова Р. М., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается жанр благопожелания чаю в современной калмыцкой лирике сквозь призму фольклорной традиции. *Актуальность* работы определяется малоизученностью заявленной темы в данном ракурсе. *Целью* статьи является исследование фольклорного аспекта в стихах калмыцких поэтов, адресованных калмыцкому чаю. *Материалами* исследования стали репрезентативные стихи современных калмыцких поэтов, созданных представителями разных поколений на калмыцком и русском языках. *Источники* для изучения — фольклорные жанры: благопожелание чаю, пословицы, поговорки, триады. Основными методами, использованными в статье, являются историко-литературный, историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный, метод описательной поэтики. *Результаты.* В современной калмыцкой лирике жанр благопожелания чаю нашел отражение в ряде репрезентативных стихотворений, адресованных национальной пище. Это тексты на калмыцком и русском языках, созданные поэтами разных поколений, старшего возраста и молодежью. Жанр благопожелания чаю, как и в фольклорном аналоге, у многих калмыцких поэтов может синтезировать так или иначе элементы разных жанров: часто йорял (благопожелание) и магтал (восхваление), иногда *цэгд тэвх йөрэл* («благопожелание чаю») и хаалһин йөрэл («благопожелание на дороге»). *Выводы.* У калмыцких авторов благопожелание чаю описывает подношение предкам, божествам, а также угощение гостям, подчеркивая тем самым главенство и первенство чая в ритуале, обряде, в выражении гостеприимства. Репрезентативные тексты, адресованные калмыцкому чаю в фольклорной традиции, созданы в основном поэтами старшего и среднего поколений, владеющих родным языком, знакомых с устным народным творчеством, обычаями и обрядами, верованиями предков.

Ключевые слова: фольклор, благопожелание, калмыцкий чай, калмыцкая поэзия, литературная традиция, трансформация, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорный аспект // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 253–270. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270

Tea Well-Wishes in Contemporary Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Khaninova R. M., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines the genre of tea well-wishes in contemporary Kalmyk lyric poetry through the prism of folklore tradition. The fact that the theme has been somewhat understudied from the latter perspective makes the work relevant enough. *Goals.* The article aims to investigate the folklore aspect in Kalmyk poets' narratives addressing Kalmyk tea. *Materials and methods.* The paper analyzes related Kalmyk- and Russian-language poems by contemporary Kalmyk poets representing different generations. The study shall examine a number of folklore genres, such as tea well-wishes, proverbs, sayings, and three-part (ternary) poems. The main methods employed are historical-literary, historical-functional, comparative analysis ones, and that of descriptive poetics. *Results.* In modern Kalmyk lyric poetry, the mentioned genre is represented by a number of poems dealing with ethnic foods. These are texts in Kalmyk and Russian created by poets of different generations — elderly and young ones. In terms of genre, literary tea well-wishes — like the latter's folklore analogues — largely tend to synthesize different patterns: these often resemble *yöräls* (well-wishes) and *magtals* (praises), sometimes — tea well-wishes proper (Kalm. *цэд тэвх йөрэл*) and farewell well-wishes (Kalm. *хаалхин йөрэл*). *Conclusions.* Tea well-wishes authored by Kalmyk poets describe offerings to ancestors, deities, as well as treats to guests, which reveals the primacy and undeniable significance of tea in rituals, rites, and hospitality. In the folklore tradition, representative texts addressing Kalmyk tea have been created mainly by elderly and middle-aged poets fluent in mother tongue, familiar with oral folklore, customs, rituals, and beliefs of ancestors.

Keywords: folklore, well-wishes, Kalmyk tea, Kalmyk poetry, transformation, literary tradition, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Khaninova R. M. Tea Well-Wishes in Contemporary Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 253–270. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270

Введение

Фольклорный жанр «Цэд тэвх йөрэл» («Благопожелание чаю») имеет разновидности, но сохраняет базисную основу с основными формулами и

словами-маркерами. Произносимые как в ритуалах обрядов, так и вне их, йорялы калмыцкому чаю манифестируют место и роль национального напитка в жизни народа на протяжении многих веков как одного из компонентов подношения, почетного угощения (*идэни дееж*), выражают философию и этнические ценности калмыков.

Одно из благопожеланий чаю «Цэһин йөрэл» звучало так: *Цэ шиңгн болв чигн, / Идэни дееж, / Цаасн нимгн болв чигн, / Номин күлг. / Кезэн кергт / Зул, Цаһаһан кезж, / Күмни олыг орулж-һарһж, / Көгидинь йөрәлинь авч, / Улан зандн цэәһәрн / Деежэн өргж, / Улан, хар эркәр цацлан цацж, / Алтн делкән амулң багтж, / Амулң эдлтн. / Өгсн улс өглһин эзн, / Мана уусн аришан болтха! / Йөрэл бүттхә!* 'Хоть и жидкий чай — почетное угощение, хоть и тонкая бумага — основа книги. Празднуя Зул, Цаган, встречая и провожая всех, получив благопожелание стариков, красно-сандаловым чаем совершив подношение, вином, водкой сделав кропление, живите благополучно. Пусть для хозяев, угостивших нас, выпитое нами станет аршаном (божественным напитком). Да исполнится благопожелание!' ¹ [Хальмг улсин йөрэл 2010: 16].

В монгольской триаде «Три из того, что желанно» (*Высохшие деревья о зеленых ветвях мечтают. / Лысая голова о густых волосах мечтает. / Чай сухой о воде, об огне, о дровах мечтает*) [Песни аратов 1973: 195] прием олицетворения соединяет основные средства для приготовления чая: вода, огонь, топливо.

В калмыцкой лирике начала XXI в. преемственность жанра благопожелания чаю продолжилась в ряде стихотворений поэтов разных поколений. Они созданы как на калмыцком, так и на русском языках. Речь идет не об упоминании калмыцкого чая в стихах, а о фольклорной и литературной традиции в калмыцкой поэзии нового столетия. Примеры подобных стихотворений предшественников — Санджи Каляева, Боси Сангаджиевой, Михаила Хонинова, Андрея Джимбиева, Тимофея Бембеева, Санджары Байдыева, Сергея Бадмаева, Эрнеста Тепкенкиева, Ивана Бадма-Халгаева, Айсы Бамбаевой — послужили своеобразным творческим ориентиром для последователей [Ханинова 2023: 457–470].

Заглавия репрезентативных стихотворений Веры Шуграевой, Владимира Нурова, Эрнеста Тепкенкиева, Ивана Убушаева, Ивана Бадма-Халгаева, Николая Хатуева, Осорин Утнасн, Николая Санджиева, Георгия Авджаева, Ольги Соломовой, Эрдни Бадмаева, Риммы Ханиновой, Татьяны Бадаковой, Василия Сухотаева повторяют те же ключевые маркеры: «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай»), «Жомба» («Джомба»), в сочетании со словом *цэ*, в сочетании со словосочетанием *хальмг цэ*, а также с иными словами. Помимо озаглавленных стихотворений, есть тексты, названные по первой строчке.

Большинство стихотворений, в зависимости от языка оригинала, имеет русские или калмыцкие переводы, осуществленные различными поэтами в разные годы. В рамке всех произведений отсутствуют подзаголовки, эпиграфы, посвящения, в немногих текстах указаны место и время написания. Историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и типологический подходы способствуют выявлению жанровой дифференциации стихотворений —

¹ Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.

благопожелание чаю современных поэтов в фольклорном аспекте. Обращение к русским переводам оригинальных текстов калмыцких поэтов обусловлено необходимостью выявить соответствие авторскому замыслу и жанру.

Стихотворение Николая Санджиева «Жомба» в оригинале не удалось найти в просмотренных публикациях, поэтому к переводу Ю. Щербакова («Джомба», 2018) не обращаемся [Санджиев 2018: 35–36].

Предметом исследования указанная тема не была в фокусе внимания литературоведов и лингвистов за исключением недавних статей, в которых рассмотрены фольклорная традиция йоряла чаю в калмыцкой лирике прошлого века [Ханинова 2023], гостеприимство в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах в семиотическом ракурсе чаепития [Сарангаева 2020], английский перевод стихотворений калмыцких поэтов о чае [Сарангаева, Голубева, Калыкова 2021], что определяет актуальность и новизну данной работы.

Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорная традиция

Продолжая тему калмыцкого чая, начатую стихотворением «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 1963), Эрнест Тепкенкиев написал стихотворение «Хальмг цээһэр тоонав» («Угощаю калмыцким чаем»), в переводе Валентины Лиджиевой («Приглашение на джомбу», 2000). С самого начала поэт перечислил первостепенные составляющие компоненты национального угощения для незнакомого гостя: *Хэрин гиич дууднав, / Хальмг цээһэр тоонав. / Боорцг, целвг тэвнэв, / Бордад гиичэн тавлунав* ‘Приглашу незнакомого гостя, угощу калмыцким чаем. Положу борцыки, круглую лепешку, накормлю гостя’ [Төвкнкин Э. 2007: 143]. Боорцг — мучные, жаренные в масле изделия разной формы. Поэт обозначил их вначале общим словом, а затем выделил одну из главных форм в виде круглой лепешки (*целвг*), символизирующей солнце. Он подчеркнул температуру напитка, от которого поднимается пар (*цээһин ур*), запах мускатного ореха (*зэтин үнрнь*), влияние чая на человека (*заядар көлс һарһна* ‘вызывает сильный пот’), цвет чая (*зандн улан цэ* ‘крепкий (или сандалового цвета) красный чай’), т. е. обозначил основные характеристики чаепития, как и его предшественники-поэты. В продолжение размышлений о пользе чая акцентировано: дает отдых и силу усталому телу, бодрость уму. За такой почетной едой разговор идет, радуя собеседника. Напоминая о другом компоненте напитка (соль), поэт также актуализировал чай как почетное подношение-угощение, используя формульное словосочетание (*хотын дееж*). Современный ракурс показан в противопоставлении национального напитка зарубежным — кока-колы и пепси (*кока-кола, пепси биш*) в том, что чай не только утоляет жажду, но и дает сытость, прибавляя силы. Поэтому *Хальмгин түрүн хот, / Хальмг цэ алтрна* ‘Калмыцкая первая еда, калмыцкий чай золотится’ [Төвкнкин Э. 2007: 144]. Глагол *алтрна* образован от существительного *алтн* ‘золото’. Таким неологизмом автор дает оценку чаю и в то же время обыгрывает его желтый (золотистый) цвет, связанный с маслом, еще одним компонентом напитка. В заключительном четверостишии звучит приглашение гостю — отведать горячий чай, а также уверение в том, что будет подношение всевышним, чтобы всегда светило солнце: *Хальмгт гиич иртн, /*

Халун цэ эдлтн! / Деедкст деежэнь бэрнэв, / Деертн нар урһанав! [Төвкнкин Э. 2007: 144]. Это одно из первых стихотворений современных калмыцких поэтов с включением сакрального (божественного) элемента. Восклицательные знаки передают эмоциональный настрой поэта-хозяина, соблюдающего ритуал чаепития и воздающего должное людям и богам.

Неудачный в целом перевод В. Лиджиевой, начиная с заглавия, не передает жанр стихотворения Э. Тепкенкиева [Тепкенкиев 2000: 117–118]. Во-первых, у автора в тексте нет слова *жомба* ‘джомба’, а только *цэ* ‘чай’ в разных словосочетаниях. Как известно, калмыки выделяют эти виды напитка, подчеркивая, что джомба — чай лучшего приготовления по отдельному рецепту. Это нашло отражение и в стихах калмыцких поэтов, давших по-разному название своим произведениям. Во-вторых, содержание оригинала в переводе не отвечает жанровым особенностям, превращаясь просто в стихотворение на тему калмыцкого чая. Исчезли ключевые слова-коды (например, *түрүн хот, зандн улан цэ, зэтин үнрнь, хотын дееж, деедкст деежэнь бэрнэв*), введены детали, отсутствующие у автора (например, *белое облако, ковер, рай, лимонад, эликсир, мой друг*). В оригинале нет пояснения, кто приготовил чай, переводчик же наделяет этой ролью автора (*Чай варю и борцогн пеку*). Ср. в стихах Санджи Каляева («Кермнэ чансн цэ» = «Чай, сваренный Кермен») и Боси Сангаджиевой («Ээжин цэ» = «Бабушкин чай»). Та же небрежность у переводчика в форме стиха: нет четкого стихотворного размера.

Стихотворение «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 2000) Ивана Убушаева, созданное в мае 2000 г., как указано автором, сразу начинается с определения, что это за чай: *Уух, идх тоотас, / Уурта, шимтэ хотас / Уул чинрэн даасн / Улан хальмг цэ* ‘Из всего, что можно пить и есть, из самой вкусной еды, дающей силы (букв. преодолевающей горы), — красный калмыцкий чай’ [Убушаев 2002: 45]. Ср. с «Цээнин йөрэл» («Благопожелание чаю»): *Мана уусн аршан болтха!* ‘Пусть выпитое нами станет божественным напитком!’ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 16], с эпической формулой божественного напитка — аршан: *Испил аршан, таивший в себе девяносто девять сил* [Джангар 1990: 276].

Улан хальмг цэ или *Улан зандн цэ* — одна из фольклорных формул чая [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 16], часто встречаемая и в рассмотренных нами стихах калмыцких поэтов прошлого столетия. Во второй строфе стихотворения приведена вторая формула (*идэни дееж*): *Хальмг цэ — идэни дееж* ‘Калмыцкий чай — почетное подношение / угощение’ [Убушаев 2002: 45]. В таком сочетании или одним словом *дееж* дается в авторских образцах благопожелания чаю в калмыцкой поэзии. Во второй строке представлена и авторская формула: *Хальмг цэ — хотын ээж* ‘Калмыцкий чай — мать пищи’ [Убушаев 2002: 45]. Такой метафорой поэт акцентировал главенство чая в системе питания калмыков. Поэтому он выражает благопожелание этому напитку: *Ухандм йөрэл урһасн / Улан хальмг цэ* ‘Рождающий во мне йорял красный калмыцкий чай’ [Убушаев 2002: 45], т. е. автор актуализировал процесс создания стихотворения-благопожелания. Он объяснил: *Йөрэл өргх деернь / Йор-янзнь хээгднэ. / Утхта угим батлсн / Улан хальмг цэ* ‘Всегда найдется повод / случай, чтобы произнести благопожелание. Суть моих слов закрепит красный калмыцкий чай’ [Убушаев 2002: 45]. Последующие две строфы традиционно передают пользу чая для

человека в сильный мороз (*хар-цоод кишнднь*) и в палящий зной (*һал-цог халунднь*). Завершает стихотворение повтор второй строфы. Рефреном всего текста становится формула *улан хальмг цэ*, которая повторяется шесть раз, заключая каждое четверостишие. Итого семь раз, включая заглавие. Это своего рода метатекст, показывающий создание авторского жанра, — йорял чаю.

Стихотворение Григория Авджаева «Өрүни цэвхэн чанад...» («Сварив утренний чай...», 2009) начинается, как и стихотворение Осорин Утнасун, с приготовления калмыцкого чая и его подношения: *Өрүни цэвхэн чанад, / Өөдлүжэ деежэ өргнэв* [Авджаев 2009а: 54]. Но в отличие от О. Утнасун поэт уточнил, кому он делает подношение: *Өвкнрин нердинь санад, / Өткн цэвхэр аршалнав* ‘Вспоминая имена предков, преподношу им густой чай’ [Авджаев 2009а: 54]. Неологизм-глагол *аршалнав* образован от существительного *аршан* — божественный напиток, автор так активировал сакральный статус чая. Последующие две строфы передают запах и цвет чая, сравнимого с сиянием солнца и степными травами-цветами, придающими силу человеку. В четвертой строфе тема почетного угощения чаем связана, как обычно, с гостями. Приведем цитату в другой редакции: *Идэни тоолгдсн деежэр / Иньгэн байрлжэ тоснав. / Ил дуран келсэр / Ирсн гишчэн тоонав* ‘Пищей, которая считается почетным подношением, радуясь, встречаю друга, угощаю гостя’ [Авджаев 2016: 39]. Подытоживая сказанное, поэт напомнил, когда выпьешь калмыцкий чай, жажда в дороге ослабевает, а когда потчуеться неразлучного друга, весна в сердце расцветает: *Хальмг цэ уухла, / Хаалһин ундн хэрнэ. / Халцдог иньгэн тоохла, / Хавр чееждэн жиргнэ* [Авджаев 2016: 39]. Метафора весны придает тексту дополнительную характеристику радости. В контексте, по нашему мнению, есть отсылка и к благопожеланию на дорогу («хаалһин йөрэл»).

В переводе Юрия Щербакова 25 строк оригинального произведения Г. Авджаева лишились строфической структуры, ключевых слов и фольклорных формул, характерных для данного жанра. Неточность есть в начале: *В чае моем — память светлая предков* [Авджаев 2009в: 55]. Добавлены детали, отсутствующие в первоисточнике, штампы (*с зарей обнимается ветер, трепет зарниц, синего неба бездонное море* и др.), определения чая как бальзама, эликсира, старинного волшебного напитка, в котором *солнечной страсти кипящее пламя* (!). Как в переводе стихотворения О. Утнасун, так и в конце перевода стихотворения Г. Авджаева риторическая декларация не соответствует авторским словам и данному жанру: *Братья-потомки, средь бурных событий / Верность калмыцкому чаю храните. / Чтобы остались в любом человеке / Наши добро и надежда навеки!* [Авджаев 2009в: 55].

В том же жанре благопожелания чаю написано другое стихотворение Г. Авджаева «Идэһэр элвг ширэһэр...» («Обильной пищей на столе...», 2009). В первых строках показано гостеприимство хозяина, встречающего друга обильной пищей на столе. Указание не случайно, поскольку калмыцкая пословица гласит: *Гишчэс хот бичэ хармн, бийдсн хувц бичэ хармн*. ‘Для гостей не жалея пищи, а для себя — одежды’ [КРС 1977: 143]. Последующие строки первой строфы уточняют первенство пищи, которой по традиции начинают чествовать гостя: *Каңкнсн хальмг цэвхэр / Күндтэ гишчэн тоонав* ‘Ароматным калмыцким чаем уважаемого гостя потчую’ [Авджаев 2009б: 32]. Во второй строфе часто

встречаемое у калмыцких поэтов сравнение цвета густого напитка с золотом, с солнечным светом: *Агта цээһин өңгнэ / Алтар нанд үзгднэ. / Хүврдго нарна һалнь / Халжэ зүркнд немгднэ* ‘Цвет крепкого чая видится мне золотом, огонь вечного солнца разгорается в моем сердце’ [Авджаев 2009б: 32]. Пожелание в конце стихотворения характерно для избранного жанра: *Цээһэн хамдан ууһад, / Цецн селвгэн хадһлый. / Урһсн һазран таасад, / Ухандан нар залый* ‘Вместе распивая чай, будем сохранять мудрые советы. Землю, на которой выросли, будем почитать, словно солнце’ [Авджаев 2009б: 32]. Эта строфа о мудрых советах предков отсылает к калмыцкой пословице о том, что мастер тот, кто чинит поношенную одежду, мудр тот, кто думает о будущем: *хуучан хатхсн урн, хөөткэн сансн — цецн* [КРС 1977: 634]. В этом стихотворении поэт использовал те же ключевые слова и словосочетания (*идэн, хальмг цэ, агта цэ, каңкнсн хальмг цэ, гиич, тоснав, тоонав, хамдан*).

У Ю. Щербакова перевод так же далек от оригинала, как и в предыдущем случае. Желая разнообразить, видимо, текст, он противопоставляет чай баранине, которой нет в первоисточнике, а чаю — разговор: *Но дороже всего — разговор, / Чай и мясо — приправа к нему* [Авджаев 2009г: 33]. Такое противопоставление противоречит авторскому замыслу и избранному им жанру, как и утверждение переводчика о том, что красноречию за калмыцким столом воздаются честь и хвала, что отражено в риторической концовке-штампе: *Мы сегодня беседу ведем, / Чтобы завтра вершились дела!* [Авджаев 2009г: 33]. Остается шаблонная декларация вместо задушевной интонации благопожелания.

Стихотворение Николая Хатуева обращено прежде всего к молодежи, чтобы она знала народные обычаи. Первые восемь строк повествуют о том, как нужно приготовить калмыцкий чай для подношения многим божествам, Белому Старцу. *Заңһта худгин усар / Зандрсн цээһэн нерэд, / Давсинь, усинь, тосинь / Дигләд тэвжэ чанад, // Деед олн бурхдтан, Делкэн Цаһан Аавд / Цаһан седкл бэрэд, / Цээһэрн деежэ өргтн* ‘Колодезной водой (букв. водой, взятой при помощи колодезного журавля), сварив крепкий/ красный чай, добавив соль, молоко, масло, многим всевышним, Белому Старцу, со светлыми помыслами обратившись, чаем преподнесите почетное угощение’ [Хатуха Н. 2014: 24]. Если у некоторых калмыцких поэтов есть общая адресация подношения божествам, то у Н. Хатуева в этот ряд включен и Белый Старец, в добуддийских верованиях — хозяин земли-воды, божество местности, в буддийском пантеоне монголоязычных народов он хранит жизнь и долголетие, способствует плодородию и благоденствию. Ср. в благопожелании пище («Хотын йөрэл») обращаются и к Белому Старцу (*Делкэн Цаһан өвгндэн*) [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 87]. Упоминание о колодезной воде обусловлено как воспоминанием автора о сельском детстве, так и о своей матери. *Халун уурта хотас / Хальмгудт цэ — деежэ, / Өдр болһн экм / Өргдг деежэнь — цэ* ‘Из всей горячей пищи для калмыков чай — почетное подношение. Каждое утро моя мама чаем делала подношение’ [Хатуха Н. 2014: 24]. Такая автобиографическая деталь подтверждала не книжное, а семейное следование обычаям и обрядам предков. Поэтому поэт признался, что в чужом краю вспоминает калмыцкий чай, как будто расстался с любимыми родителями. Эта преемственность проецируется на подношение духам предков, сохраняющим незримую связь с оставшимися в этом мире, оберегающим родственников.

Название стихотворения Ивана Бадма-Халгаева «Ээжин аршан» («Бабушкин божественный напиток», 2016) объединяет характеристику калмыцкого чая с мастерством его приготовления. Сюжет передает угощение бабушкой своих внуков джомбой и борцыками. Крепкая вкусная джомба заправлена мускатным орехом и гвоздикой: *Затяр, хальмпрар амтлад, / Зандрулад чансн жомба* [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76]. Поэт подчеркнул, что джомба и борцыки являются калмыцким подношением пищи: *Хальмгудын хотын дееж* [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76], тем самым подтверждается первенство калмыцкого чая в составе пищи-подношения. По замечанию поэта, современные дети вначале, как полагается по этикету, благодарят бабушку за угощение (*Ханжсанавидн, хэртэ ээж!* ‘Спасибо, любимая бабушка!’), а потом произносят обязательную фольклорную формулу: *Аршан болтха!* ‘Пусть станет божественной пищей!’ [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76]. По обычаю же все должно быть наоборот: сначала формула, а потом благодарность. Концовка стихотворения структурирована диалогом бабушки и внуков. После того, как дети благодарят бабушку, она отвечает им в соответствии с обычаем: *Тиигтхэ!* ‘Да будет так!’ [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76]. И старая женщина добавляет еще одно формульное пожелание: *Аньр уга шингртхэ!* (букв. ‘Пусть без помех усваивается!’), иначе говоря: «На здоровье!») [Бадм-Хаалһин И. 2016: 76].

В четверостишии молодого поэта Эрдни Бадмаева «Деедс минь, таанрт...» («Всевышние мои, вам...», 2019) обращение к всевышним, с одной стороны, соблюдение традиции фольклорного аналога, с другой — примета нового времени без цензуры в выражении верований народа: *Деедс минь, таанрт / Даңгин ханлтан өргхэр / Деежлсн цэгһэсм цацрж / Дуута неритн саннав...* ‘Всевышние мои, вам всегда благодарность воздаю, окропив моим чаем-подношением, вспоминаю ваши призывные имена’ [Бадмаев 2019: 41]. Здесь упоминается обряд «цацал» — кропление жертвенной пищей (чаем, кумысом, водкой), отсылая к другим благопожеланиям «Цацлын тавн йөрэл» («Благопожелание пяти кроплениям»), «Хотын йөрэл (Цацлмудын йөрэл)» («Благопожелание пище (Благопожелание кроплением)») [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 59–60, 67].

Название стихотворения «Хальмг цэ — бурхна ундн» («Калмыцкий чай — напиток богов», 2017) Владимира Нурова декларирует божественный статус пищи, по ассоциации напоминая о калмыцких легендах происхождения чая с помощью молитвы. Размышляя о том, что среди еды на столе встречается вкусная, превосходная, легкая, поэт в исторической призме показал: *Улан зандн ундар иньгэн / Улан залата өөрд тосна* ‘Красным, сандалового цвета напитком краснокисточные ойраты встречают друга’ [Нуура В. 2021: 104]. Указывая на культурный код головного убора предков (красная кисточка на шапке в солярной символике), поэт также использует устойчивое фольклорное сочетание (*улан зандн ундн*), подчеркивая главенство этого напитка в угощении. Эпическая традиция проявляется во второй строфе о том, что соленый чай в зной, когда кровь высыхала в жилах, поднимал раненого воина. Когда дороже всех сокровищ мира жизнь предков, подобных божествам, подвергалась испытаниям, этот напиток, спасавший людей от голода, становился вечной святыней: *Делкэн зөөрэс үнтэ жирһл / Деедс эдл өвким сөрхлэ, / Олинь хэрүлсн ундн мөңкин / Өрин шүтэн болж үлднэ* [Нуура В. 2021: 104]. Заклучая свои размышления, автор подчер-

кнул, что у всех народов мира подношение божествам включает разную пищу, а у калмыков божественным напитком встречают и друзей: *Делкэн олн-келн улс / Деедсэн олн зүсн хотар тоона. / Хальмг улс бурхна ундар / Хар уга иньгэн тосна* [Нуура В. 2021: 104].

В переводе Владимира Сорокина-Ильинского «Калмыцкий чай — напиток богов» также встречаются неточности, например, нивелирующие исторический экскурс (нет названия предков — ойраты, нет этнического маркера — красные кисточки), характеризующие воина, которому чай возвращал, помимо силы, и *отвагу* (?!). Стилистические погрешности в переводе снижают авторский замысел: голод «людей доводил до предела» (?!), вместо подношения божествам у переводчика: «В мире каждый народ верен снеди своей. / И калмыцкий народ, в свою очередь» (?!) [Нуров 2017: 6], есть избыточные пояснения (*самые верные и желанные друзья*).

Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорная традиция в гендерном ракурсе

Заглавие стихотворения Веры Шуграевой «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 2008) отвечает его содержанию. Сюжет также построен по известной схеме: калмыцкий чай как угощение и подношение. В трех пятистишиях, структурированных рефреном со словом *цэ*, его формой *цээг* и словосочетанием *хальмг цэ*, его производным (*хальмг цээһар*) ключевые коды повторяются 7 и 8 раз соответственно. Краткий текст можно условно разделить на три мотива. Первая строфа — призыв к угощению гостя горячим (с паром) красным (крепким) чаем: *Халун уурта зандн цээг / Хээртэ гиичдэн бэрүлэд өгий: / Уутн, эдлтн / Цэ!* ‘Угостим незнакомого гостя горячим красным чаем: пейте, вкушайте чай!’ [Шугран В. 2008б: 245]. Ср. в переводе Р. М. Ханиновой добавление мускатного ореха: *Горячий чай с мускатным вкусом / Гостям почетным поднесем: / — Вкушайте, пейте...* [Шуграева 2015: 56]. Вторая строфа — посвящение подношения младшему сыну: *Далһа модн ааһар дүүргэд, / Деежһинь отхн көвүндэн нерэдий: / Уутн, эдлтн / Цэ!* ‘Наполнив широкую деревянную пиалу подношением, посвятим младшему сыну: пейте, вкушайте чай!’ [Шугран В. 2008б: 246]. Ср. в переводе Р. Ханиновой вместо конкретизации (младший сын) дано обобщение (наследник), пояснено слово *дееж* как «еда бурханам»: *Мы деревянной чашей предков / Наследника благословим / — Едой бурханам, чтобы крепок / Был чай калмыцкий всюду с ним* [Шуграева 2015: 56].

По традиции подношение в конце дня выпивали, съедали, давая младшим детям. Ср. в другом шуграевском стихотворении «Дееж бэрсн...» («Взяв подношение...»), где маленький внук Цецн, допивая пиалу с джомбой-подношением, надрывно заплакал, прося бабушку: *Ааһм чилжэһнэ, / Адһтн, ээж, / Цадад угав, / Цээһэһн кетн* ‘Чай кончается, поспешите, бабушка, не наелся, налейте чаю’ [Шугран В. 2008а: 109].

В третьей строфе первого стихотворения соединены два жанра благопожелания — на дорогу (*хаалһин йөрэл*) и чаю: *Хол хаалһд йовхиннь өмн / Хальмг цээһар йөрэл тэвий: / Уутн, эдлтн / Цэ!* ‘Перед дальней дорогой произнесем благопожелание чаем: пейте, вкушайте чай!’ [Шугран В. 2008б: 246]. Ср. в переводе: *И перед дальнею дорогой / Йорял, как встарь, мы говорим: / — Вку-*

шайте, пейте на здоровье! / Калмыцкий чай благодарим! [Шуграева 2015: 56]. Соединение двух йорялов как бы удваивало благотворный посыл пожеланий, поскольку и на проводах, и при встречах чаепитие было обязательным ритуалом, сопровождаемым вербальным компонентом, чтобы дорога была легкой, а возвращение — благополучным. Таким образом, в переводе текст стал свободен от рефрена «Калмыцкий чай!», сохранив авторский замысел.

Как у Боси Сангаджиевой, у Ольги Соломовой стихотворение названо «Ээжин цэ» («Бабушкин чай», 2016). Оно начинается с риторических вопросов: что может быть лучше дедушкиного йоряла, что может быть лучше бабушкиного чая? Напиток назван божественным аршаном: *Аршан болсн цэ* [Салмин О. 2016: 43]. Повторяя эту формулу, автор также указывает на полезные свойства чая, который лечит от болезней, придает силы слабому, умиротворяет нрав, успокаивает сердце, крепит тело. Перечисляя компоненты напитка, поэт называет молоко, масло, мускатный орех с благоухающим запахом, закрепляя фольклорной формулой: *зандн хальмг цэ* («крепкий, сандалового цвета калмыцкий чай»).

Благопожелание чаю в синьцзян-ойратской традиции

В стихотворении «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 2006) калмыцкой поэтессы Осорин Утнасн, родом из Синьцзяна, гендерный аспект проявляется в подробном описании приготовления чая. *Өткн улан цээһэн / Өрүн болһн деежлнэв* «Каждое утро густым красным чаем делаю подношение» [Осорин 2006: 5]. Автор вводит неологизм: глагол *деежлнэв* от существительного *дееж* «подношение». Ср. в переводе: *Пиалу с густым калмыцким чаем, / На алтарь как подношение возлагаю* (перевод Владислава Багликова, Василия Чонгонова) [Осорин 2008: 98]. Как известно, первая порция сваренного чая была подношением, ставилась в пиале отдельно.

У ойратов Синьцзяна сохранились жанры благопожелания подношению, например, «Деежин йөрэл», благопожелание подношению и кроплению «Дееж бэрж, цацл өргх йөрэл» [Цацлын дееж 1997: 49, 57], в которых упоминается, помимо чая, и кумыс (*чигэн*).

Среди фольклорных определений чая, помимо красного цвета (*улан*), густоты (*өткн*), есть указание на его крепость (*агта*), а также на помешивание напитка (*самрх*). У Осорин Утнасн также: *Агта улан цээһэн / Амтынъ таарулж самрнав* «Крепкий красный чай помешиваю, чтобы придать ему приятный вкус» [Осорин 2006: 5]. Автор вводит неологизм: глагол *ааһлнав* от существительного *ааһ* «пиала», т. е. показывает действие (разливает чай в пиалы): *Өрмтэ цээһэн ааһлнав* «Разливаю чай со сливками в пиалы» [Осорин 2006: 5]. Ср. в переводе: «Как красиво золотятся сливки в чае, / Я его с любовью в чаши разливаю» [Осорин 2008: 98].

Вместо пиал здесь просто чаши. В конце каждой строфы поэтом произносятся пожелания гостям (читателям), чтобы прибавилась радость, звучал трогательный смех, чтобы было здоровье, чтобы дорога была счастливой, а жизнь благополучной, чтобы уважить родственников, старших и младших, угощая чаем: *Өдрин байсл немэд / Өкэр инэд шиңгэнэв. <...> Амрг седклэн уусхн / Амр менд сурнав. <...> Өлзэтэ хаалһ тосад, / Өмнэстн жүрһл дурднав. <...> Ах-*

нр-дүүнрэн кундлэд, / Ааһта цээһэн бэрнэв [Осорин 2006: 5]. Ср. в переводе: *Чтобы день грядущий всем принес успех, / Чтобы звучал повсюду нежный детский смех. <...> Я мешаю, от души желая всем, / День прожить без потрясений и проблем. <...> Чтоб о жизни душевный разговор / За столом не перешел в горячий спор. <...> Уважением людским я дорожу, / Чай калмыцкий всем пришедшим подношу. <...> Пусть легко даются людям их дороги, / Пусть в пути им покровительствуют боги [Осорин 2008: 98].*

Переводчики включают подробность, отсутствующую у автора (соль), с риторической сентенцией: *Чай без соли не сочтут калмыки чаем, / Жизнь без соли люди жизнью не считают [Осорин 2008: 98].* Нетрудно заметить, что в переводе допущены неточности, введены дополнения, которых нет в оригинале, стиль благопожелания нарушен современной лексикой. И если упомянут, как у автора, мускатный орех для придания вкуса чаю, то опущена другая важная фольклорная деталь (вяжущий вкус крепкого чая): *Келн ээдрм цээһэн / Күцэж амтын таарунав* ‘Завершая приготовление, привожу в соответствие вкус чая, вяжущего язык’ [Осорин 2006: 5]. Процесс чаепития отражен и в последней строфе: *Мокн улан цээһэн / Мелмлзсн седклэсн кенэв, / Мел хамдан уух / Мөңк зая дууднав* ‘Со светлыми помыслами наливаю красный чай, чтобы всегда его вместе пить, призываю судьбу’ [Осорин 2006: 5]. У переводчиков душевная интонация авторского благопожелания заменена громогласной декларацией: *Чай молочный — символ счастья и покоя, / Я варю его с молитвой и любовью. / Пусть промчатся над землей века и годы, / Чай калмыцкий — суть калмыцкого народа [Осорин 2008: 98].* Это подтверждает невнимание переводчиков к искомому жанру, требующему соблюдения иной лексики, стилистики и интонации, присущие народному благопожеланию чая.

В монгольской триаде «Три начала» говорится: *Чай для гостей — начало угощенья. / Хадак — вещей начало, без сомненья. / С рыб началось существование [Песни аратов 1973: 197].* Хадак у монголоязычных народов — шарф, подносимый гостям в знак уважения. В стихотворении У. Осорин «Таднан тоснав» («Встречу вас», 2006) соединены два первых начала: *Хээһэд ирсн таднан / Хадган бэржэ тоснав, / Халун седклтэ таднан / Хальмг цээһэрн тоонав* ‘Вас, явившихся издалека, встречаю хадаком, от всего сердца вас калмыцким чаем угощаю’ [Осорин 2006: 4]. Ср. у переводчиков: *Вас, кого ждала издалека, / С хадаком приветственным встречаю, / Подношу, держа на двух руках. Пиалу с густым калмыцким чаем [Осорин 2008: 65].* В чайном церемониале пиалу с чаем преподносят не на двух руках (?!), а двумя руками в знак уважения и почтения. В конце стихотворения звучит упоминание о традиционном благопожелании: *Бат йөрэлтэ таднан / Бас ирхитн күлэнэв* ‘Ждем вас снова с постоянным благопожеланием’ [Осорин 2006: 4]. Ср. у переводчиков: *Расставаясь, не скрываю слез, / С нетерпением снова ожидаю [Осорин 2008: 65],* т. е. йорял не упомянут.

В одном из четверостиший У. Осорин, включив поговорку о еде и одежде, высказала благопожелание: *Сэн хотан күүнд өг, / Сэн хувцан эврэн өмс». / Сэн шүлгэн күүнд нерэд, / Сэн заңган бийдэн бэр* ‘Лучшую пищу отдаю другому, лучшую одежду носи сам. Посвятив другому лучшее стихотворение, сохрани в себе лучший нрав’ [Осорин 2006: 13].

Характеризуя поэзию У. Осорин, Б. А. Бичеев подчеркнул: «Ее отличительное качество заключается в том, что она видит мир таким, каким во все времена своего существования видели и воспринимали наши предки. <...> Следует отметить, что в форме и содержании новых стихов наблюдается определенное влияние фольклорных традиций [Бичеев 2008: 6; 9].

Благопожелание чаю в современной калмыцкой русскоязычной лирике: фольклорная традиция

В современной русскоязычной калмыцкой поэзии два стихотворения Риммы Ханиновой адресованы чаю: «Джомба» (2008) [Ханинова 2011: 3] и «Чай и пиала» (2008) [Ханинова 2010: 3], они переведены на калмыцкий язык Эрдни Эльдышевым [Ханина Р. 2015а: 13; Ханина Р. 2015б: 13] и на английский язык Галой и Николаем Бурлаковыми [Khaninova 2015a: 69–70; Khaninova 2015b: 85–86].

Рассматривая стихотворение Р. Ханиновой «Джомба» в семиотическом осмыслении гостеприимства в разных лингвокультурах, Ж. Н. Сарангаева отметила: «Чай как главная еда (пища) в повседневной жизни калмыков-кочевников в поэтических текстах сравнивается с божественным напитком — аршан: „Сродни аршану он в божественной природе, / Хоть жидок, но первенствует в устах“ (Д., с. 3). Аксиологически данный концепт также сравнивается с различными образами — с образом матери („Джомба, как мать, среди калмыцкой пищи“), с солнцем („Пусть солнцем обернется чай, чтоб с кровью / Мешалось молоко и масло заодно“), с жизнью („Начало и конец в пиру или в миру“) (там же). Длительность чайной церемонии рассматривалась всеми народами как знак дружелюбия. В поэтическом дискурсе этот временной интервал подчеркивается в следующем изречении: „И десять раз меняется за чаем / Калмык с горячей пиалой в руках“ (там же)» [Сарангаева 2020: 100–101].

Исследуя этническую идентичность автора-билингва в литературе народов России, Е. Н. Кремер привела в качестве примера и ханиновское стихотворение о чае: «В поэзии Р. Ханиновой особое место занимает тема чая как важного концепта в этническом сознании калмыков. Для того чтобы создать адекватный образ в сознании русскоязычных читателей (не калмыков), в свое стихотворении „Джомба“ она добавляет авторские ремарки (сноски), объясняющие заимствованные слова из калмыцкого языка: джомба — лучший калмыцкий чай; аршан — божественный нектар; а также переводит народные пословицы калмыков и выносит их в сноски: Хотя чай и жидкий, он — первое угощение; Пить нечего, а любит джомбу; Пока выпьет чашку чая — десять раз изменится; Без воли силы нет, без соли вкуса нет» [Кремер 2015: 317].

Стихотворение Р. Ханиновой, начинаясь с утверждения о том, что чай *воспет своим народом / В пословицах, йорялах и стихах* [Ханинова 2011: 3], включает калмыцкие пословицы, поговорки, загадки о национальном напитке, передает особенности чайной церемонии, заканчиваясь благопожеланием чаю: ...*Чай, сохраненный предками, будь крепким, / Как легендарное его копьё в боях. / Чтоб род степной продлился, был передким, — / Пей чай калмыцкий вволю в пиалах!* [Ханинова 2011: 3]. То же в замечательном калмыцком переводе Э. Эльдышева: ...*Туужд өвкнр хадһлсн цэ, / Түүнэ жидиш, агта бол. / Алдр тохмчнь*

батрхин төлөд — / *Агч ааһд цээһэн эдл!* [Ханина Р. 2015a: 13]. На протяжении всего текста автором используются два обозначения напитка в общей его характеристике (чай) и персональной (джомба как чай лучшего приготовления), переводчик также придерживался такой стратегии.

«Чай и пиала» — полемические размышления поэта о роли калмыцкого чая в жизни современной молодежи, в основном предпочитающей иные напитки, не знающих и не соблюдающих обычаев.

Лингвокультурологические особенности английского перевода стихотворений Риммы Ханиновой о чае наряду с английскими переводами стихотворений Михаила Хонинова «Солнце, пьющее калмыцкий чай» и Веры Шуграевой «Калмыцкий чай» рассмотрены в статье Ж. Н. Сарангаевой, Е. В. Голубевой и Э. А. Калыковой [Сарангаева, Голубева, Калыкова 2021: 87–96].

Стихотворение Татьяны Бадаковой «Калмыцкий чай» (2021), не соотносясь с жанром благопожелания чаю, показательно с точки зрения риторического набора общих фраз. Начинается вроде бы с полемики: считать джомбу супом или нектаром, но содержит общие формулировки о том, что *джомбу в народе свято почитают, / заслуженно нектаром величают*, текст имеет штампы-сентенции (*Заправлен солью. Это соль земли; тепло души, словно бальзам*), стилистическую неоднородность (*Изюминка — лист лавра и мускат; зарядись, сорад (прихлебывая)* — русские и калмыцкие глагольные формы) и др. [Бадакова 2021: 13–14].

Такие же художественные просчеты по форме и содержанию наблюдаем в стихотворении Василия Сухотаева «Калмыцкий чай» (2016), которое тоже не соотносится с жанром благопожелания чаю. Здесь два обозначения напитка: чай и джомба, чай тоже назван божественным напитком, который и согреет, и утолит жажду, пахнет разнотравьем. При этом есть стилистические погрешности (например, «И аромат — нектар, что пригубил») [Сухотаев 2016: 41].

Заключение

В современной калмыцкой лирике жанр благопожелания чаю нашел отражение в ряде репрезентативных стихотворений, адресованных национальной пище. Это тексты на калмыцком и русском языках, созданные поэтами разных поколений, старшего возраста и молодежью. Названия стихотворений в традиционном плане или односоставны («Цэ» = «Чай»; «Жомба» = «Джомба»), или двусоставны («Хальмг цэ» = «Калмыцкий чай»), или многосоставны, например, «Хальмг цэ — бурхна унди» («Калмыцкий чай — напиток богов»). В основном тексты имеют заглавия, некоторые из них озаглавлены по первой строчке (Г. Авджаев, В. Шуграева, Э. Бадмаев). В структурном отношении стихи написаны за некоторыми исключениями (В. Шуграева, Р. Ханинова) четырехстрочными строфами, не включают подзаголовки, посвящения, эпиграфы, редко датированы. Часть стихотворений, написанных русскоязычными авторами, переведена на калмыцкий язык (Р. Ханинова — Э. Эльдышев), часть переведена на английский язык (М. Хонинов, В. Шуграева, Р. Ханинова). Большинство стихотворений, созданных на калмыцком языке, переведены на русский язык разными поэтами-переводчиками, более или менее удачно по отношению к оригинальному тексту и жанру йоряла. Жанр благопожелания чаю, как и в фольклорном аналоге, у многих калмыцких поэтов может синтезировать так

или иначе элементы разных жанров: часто йорял (благопожелание) и магтал (восхваление), иногда «цээд тэвх йөрэл» («благопожелание чаю») и «хаалһин йөрэл» («благопожелание на дорогу») — В. Шуграева, Г. Авджаев, У. Осорин. Редкий случай в калмыцкой лирике прошлого столетия, когда совмещены благопожелание чаю и благопожелание ушедшему в иной мир человеку («Сээһэн хээсн күүнд нерэдсн хотын йөрэл»), например, у Андрея Джимбиева «Цээд йөрэл тэвх» = «Произнесут благопожелание чаем» [Жимбин А. 1984: 4].

В начале нового века репрезентативные стихотворения калмыцких поэтов имеют разный объем, малосюжетны по сравнению со стихами предшественников, сохраняют в той или иной степени связь с фольклорным жанром благопожелания: ключевые слова: *цэ* ‘чай’, *хальмг цэ* ‘калмыцкий чай’, *жомба* ‘джомба’, сигнальные маркеры: *йөрэл* ‘благопожелание’, *аршан* ‘божественный напиток’, *деедс* ‘всевышние’, формулы: *идэни дееж* ‘почетное подношение’, *хотын дееж* ‘почетное угощение-подношение’, *улан хальмг цэ* ‘красный калмыцкий чай’, *зандрсн хальмг цэ* ‘сандалового цвета калмыцкий чай’, *келн ээдрм цэ* ‘вяжущий вкус чая’, *бурхна ундн* ‘божественный напиток’. Среди фольклорных определений чая, помимо красного цвета (*улан*), густоты (*өткн*), есть указание на его крепость (*агта*), а также на помешивание напитка (*самрх*). У калмыцких авторов благопожелание чаю описывает подношение предкам, божествам, а также угощение гостям, подчеркивая тем самым главенство и первенство чая в ритуале, обряде, в выражении гостеприимства. В гендерном плане женщины готовят чай, а мужчины приглашают к чаю, те и другие перечисляют компоненты чая: молоко, сливки, масло, соль, приправы: мускатный орех, лавровый лист, гвоздика. Пословицы, поговорки о чае входят в состав некоторых текстов, подтверждая сказанное о сакральном статусе национального напитка (У. Осорин, Р. Ханинова). Упоминание божеств появляется в стихах современных поэтов (Э. Тепкенкиев, В. Нуоров, Н. Хатуев, Э. Бадмаев). Общее пожелание в произведениях калмыцких поэтов традиционное: пожелание благополучия, здоровья, дружбы, мира.

Часто фольклорное благопожелание чаю заканчивается формулой, выражающей веру в то, что сказанное сбудется: *Йөрэл бүттхэ* ‘Пусть сбудется благопожелание’ или *Тиигтхэ* ‘Да будет так’. В художественных текстах избранных поэтов такая формула есть в стихотворении И. Бадма-Халгаева «Ээжин аршан» (2016).

Среди художественных средств авторы использовали риторические фигуры, сравнения чая с солнцем, золотом, жизнью и т. д., рефрены. Глагольные неологизмы, образованные от существительных, встречаются в некоторых стихах, например: *аршалнав* от *аршан* = ‘божественный напиток’ (Г. Авджаев), *деежлнэв* от *дееж* = ‘подношение’, *ааһлнав* от *ааһ* = ‘пиала’ (У. Осорин). Система стихосложения остается традиционной в репрезентативных текстах калмыцких поэтов с сохранением анафоры, аллитерации, ассонанса, строфического деления (катрены).

Репрезентативные тексты, адресованные калмыцкому чаю в фольклорной традиции, созданы в основном поэтами старшего и среднего поколений, владеющих родным языком, знакомых с устным народным творчеством, обычаями и обрядами, верованиями предков.

Литература

- Авджаев 2009а — *Авджаев Г.* «Өрүни цээхэн чанад...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 54.
- Авджаев 2016 — *Авджаев Г.* «Өрүни цээхэн чанад...» // «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2016. С. 39.
- Авджаев 2009б — *Авджаев Г.* «Идэхэр элвг ширэхэр...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 32.
- Авджаев 2009в — *Авджаев Г.* «Каждое утро свое я встречаю...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 55.
- Авджаев 2009г — *Авджаев Г.* «Коль хозяин ты — гостя встречай...» // Авджаев Г. Прикосновение луны (стихотворения на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 33.
- Бадакова 2021 — *Бадакова Т.* Калмыцкий чай // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 13–14.
- Бадмаев 2019 — *Бадмаев Э. Д.* Пылающий очаг: стихи на калмыцком языке. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2019. 64 с.
- Бадм-Хаалһин И. 2016 — *Бадм-Хаалһин И.* Ээжин аршан // Теегин герл. 2016. № 4. Х. 76.
- Бичеев 2008 — *Бичеев Б. А.* Стихи, наполненные жизнью // Осорин У. Зимний цветок. (Стихи на калмыцком и русском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2008. С. 5–11.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 475 с.
- Жимбин А. 1984 — *Жимбин А.* Цээд йөрэл тэвх // Хальмг үнн. 1984. Декабрин 5. Х. 3.
- Кремер 2015 — *Кремер Е. Н.* Этническая идентичность и национальное самосознание в пространстве художественного текста автора-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов, 2015. № 5. С. 310–320.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Нуров 2017 — *Нуров В.* Калмыцкий чай — напиток богов // Теегин герл. 2017. № 6. С. 6.
- Нуура В. 2021 — *Нуура В.* Хальмг цэ — бурхна ундн // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 104.
- Осорин 2008 — *Осорин У.* Калмыцкий чай // Осорин У. Зимний цветок. Стихи на калм. и рус. яз. Элиста: НПП «Джангар», 2008. С. 98.
- Осорин 2006 — *Осорин У.* Хальмг цэ // Осорин У. Любимая. Стихи. Элиста: Джангар, 2006. С. 5.
- Песни аратов 1973 — Песни аратов. Из монгольской народной поэзии / сост. Г. И. Михайлов, вступ. ст. Ю. Б. Розенблюма. М.: Худож. лит., 1973. 215 с.
- Салмин О. 2016 — *Салмин О.* Ээжин цэ // «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2016. С. 43.
- Санджиев 2018 — *Санджиев Н.* Джомба // Моя Россия, моя Калмыкия! Антология поэзии Калмыкии в 2-х т. Т. II / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Нац. библ-ка им. А. М. Амур-Санана, 2018. С. 35–36.
- Сарангаева 2020 — *Сарангаева Ж. Н.* Семиотическое осмысление гостеприимства в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 3 (47). С. 97–104.

- Сарангаева, Голубева, Калыкова 2021 — *Сарангаева Ж. Н., Голубева Е. В., Калыкова Э. А.* Лингвокультурологические особенности художественного перевода современной калмыцкой поэзии // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4(52). С. 87–96.
- Сухотаев 2016 — *Сухотаев В.* Калмыцкий чай // «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2016. С. 41.
- Тепкенкиев 2000 — *Тепкенкиев Э.* Приглашение на джомбу // Тегин герл. 2000. № 2. С. 117–118.
- Төвкнкин Э. 2007 — *Төвкнкин Э.* Хальмг цэһэр тоонав // Төвкнкин Э. Цаһан Сар. Шүлгүд. Элст: Жаңһр, 2007. Х. 143–144.
- Убушаев 2002 — *Убушаев И.* Хальмг цэ // Убушаев И. От души. Стихи, магталы и песенные переводы на калмыцком и русском языках. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 45.
- Хальмг улсин йөрэлмүд 2010 — *Хальмг улсин йөрэлмүд* (Калмыцкие народные благопожелания) / сост., вступ. статья М. Э.-Г. Эрдни-Горяева. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 160 с.
- Ханина Р. 2015а — *Ханина Р.* Жомба // Хальмг үнн. 2015. Мартын 12. Х. 13.
- Ханина Р. 2015б — *Ханина Р.* Цэ болн ааһ // Хальмг үнн. 2015. Мартын 12. Х. 13.
- Ханинова 2023 — *Ханинова Р. М.* Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.: фольклорный аспект // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 457–470. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443
- Ханинова 2011 — *Ханинова Р.* Джомба // Байрта. 2011. 31 марта. С. 3.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Р.* Чай и пиала // Калмыцкий университет. 2010. 8 апреля. С. 3.
- Хатуһа Н. 2014 — *Хатуһа Н.* Хальмг цэ // Хатуһа Н. Эцкин герэсн. Шүлгүд, келвр, үлгүрмүд, домгуд, орчуллһн. Элст: Жаңһр, 2014. Х. 24.
- Цацлын дееж 1997 — *Цацлын дееж.* Зүңһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хүрмин йосн (Заздравное слово) / Бүрдэгч Н. Содмон. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1997. 174 х.
- Шуграева 2015 — *Шуграева В.* Калмыцкий чай // Dzhomba: Kalmyk tea. Ossining, NY: AElita Press.org, 2015. P. 56.
- Шугран В. 2008а — *Шугран В.* «Дееж бэрсн...» // Шугран В. Мини дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2008. Х. 109.
- Шугран В. 2008б — *Шугран В.* Хальмг цэ // Шугран В. Мини дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2008. Х. 245–246.
- Khaninova 2015a — *Khaninova R.* Dhzomba // Dhzomba: Kalmyk tea / N. Burlakoff (ed.). Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. Pp. 69–70.
- Khaninova 2015б — *Khaninova R.* Tea and tea bowl // Dhzomba: Kalmyk tea / N. Burlakoff (ed.). Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. Pp. 85–86.

References

- Avdzhayev G. 'Being a host means to welcome your guest...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 33. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Every morning of mine I greet...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 55. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Making morning tea...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 54. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Making morning tea...'. In: Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) 'Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea'. Elista: RIA Kalmykia, 2016. P. 39. (In Kalm.)
- Avdzhayev G. 'Plentiful food on the table...'. In: Avdzhayev G. Touch of the Moon. Poems. Elista: Dzhangar, 2009. P. 32. (In Kalm.)

- Badakova T. Kalmyk tea. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) *The Gift of Spirit. Almanac*. Elista, 2021. Pp. 13–14. (In Russ.)
- Badmaev E. D. *The Flaring Hearth. Poems*. Elista: RIA Kalmykia, 2019. 64 p. (In Kalm.)
- Badma-Khalgaev I. (Badm-Khaalyin I.) The nectar [blessed] by Mother. *Teegin gerl*. 2016. No. 4. P. 76. (In Kalm.)
- Bicheev B. A. Poems full of life. In: Osorin U. *The Winter Flower*. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 5–11. (In Kalm. and Russ.)
- Dzhimbiev A. (Jimbin A.) Well-wishes to tea be recited. *Khalmg ünn*. 1984, December 5. P. 3. (In Kalm.)
- Erdni-Goryaev M. E.-G. (comp.) *Kalmyk Well-Wishing Verses*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 160 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyk [People]. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 475 s. (In Kalm. and Russ.)
- Khaninova R. (Khanina R.) Jomba. *Khalmg ünn*. 2015, March 12. P. 13. (In Kalm.)
- Khaninova R. (Khanina R.) Tea and bowl. *Khalmg ünn*. 2015, March 12. P. 13. (In Kalm.)
- Khaninova R. Dzhomba. In: Burlakoff N. (ed.) *Dzhomba: Kalmyk Tea*. Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. P. 69–70. (In Eng.)
- Khaninova R. Jomba. *Bayrta*. 2011, March 31. P. 3. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Tea well-wishes in 20th-century Kalmyk lyric poetry: The folklore aspect revisited. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 457–470. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443
- Khaninova R. Tea and bowl. *Kalmytskiy universitet*. 2010, April 8. P. 3. (In Russ.)
- Khaninova R. Tea and tea bowl. In: Burlakoff N. (ed.) *Dzhomba: Kalmyk Tea*. Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. Pp. 85–86. (In Eng.)
- Khatuev N. (Khatuya N.) Kalmyk tea. In: Khatuev N. (Khatuya N.) [Leaving] Paternal Home. Poems, short story, proverbs, legends, [Russian] translations. Elista: Dzhangar, 2014. P. 24. (In Kalm.)
- Kremer E. N. Ethnic identity and national consciousness in the space of the text of bilingual authors. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2015. No. 5. Pp. 310–320. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. (comps.) *Songs of the Arats: Collections from Mongolian Folk Poetry*. Yu. Rosenblum (foreword). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1973. 215 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nurov V. (Nuura V.) Kalmyk tea — nectar of Heaven. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) *The Gift of Spirit. Almanac*. Elista, 2021. P. 104. (In Kalm.)
- Nurov V. Kalmyk tea — nectar of Heaven. *Teegin gerl*. 2017. No. 6. P. 6. (In Russ.)
- Osorin U. Kalmyk tea. In: Osorin U. *The Beloved One. Poems*. Elista: Dzhangar, 2006. P. 5. (In Kalm.)
- Osorin U. Kalmyk tea. In: Osorin U. *The Winter Flower. Poems*. Elista: Dzhangar, 2008. P. 98. (In Kalm. and Russ.)
- Salmin O. Tea made by Mother. In: Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) ‘Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea’. Elista: RIA Kalmykia, 2016. P. 43. (In Kalm.)
- Sandzhiev N. Jomba. In: Eldyshev E. A. (comp.) *My Russia, My Kalmykia: Anthology of Kalmykia’s Poetry*. In 2 vols. Vol. 2. Elista: Amur-Sanan National Library of Kalmykia, 2018. Pp. 35–36. (In Russ.)
- Sarangaeva Zh. N. The semiotic description of hospitality in Kalmyk, Russian and English linguistic cultures. *Bulletin of Kalmyk University*. 2020. No. 3 (47). Pp. 97–104. (In Russ.)
- Sarangaeva Zh. N., Golubeva E. V., Kalykova E. A. Linguocultural characteristics of literary translation of modern Kalmyk poetry. *Bulletin of Kalmyk University*. 2021. No. 4 (52). Pp. 87–96. (In Russ.)

- Shugraeva V. (Shugran V.) Be offered as nectar. In: Shugraeva V. (Shugran V.) Kalmyk tea. In: Shugraeva V. (Shugran V.) My Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 2008. Pp. 109. (In Kalm.)
- Shugraeva V. (Shugran V.) Kalmyk tea. In: Shugraeva V. (Shugran V.) My Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 2008. Pp. 245–246. (In Kalm.)
- Shugraeva V. Kalmyk tea. In: Burlakoff N. (ed.) Dzhomba: Kalmyk Tea. Ossining, NY: AElitaPress.org, 2015. P. 56. (In Russ.)
- Sodmon N. (comp.) The Words of Sprinkle Offerings: Yöräls, Magtals, and Wedding Rites of Xinjiang Oirats (Kalmyks). Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 174 p. (In Russ.)
- Sukhotaev V. Kalmyk tea. In: Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) ‘Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea’. Elista: RIA Kalmykia, 2016. P. 41. (In Russ.)
- Tepkenkiev E. (Tövkknin E.) Shall treat you to tea of Kalmyks. In: Tepkenkiev E. (Tövkknin E.) Tsagan Sar. Poems. Elista: Dzhangar, 2007. Pp. 143–144. (In Kalm.)
- Tepkenkiev E. Invitation for tea. *Teegin gerl*. 2000. No. 2. Pp. 117–118. (In Russ.)
- Ubushaev I. Kalmyk tea. In: Ubushaev I. Wholeheartedly. Poems, magtals and songs. Elista: Dzhangar, 2002. P. 45. (In Kalm.)